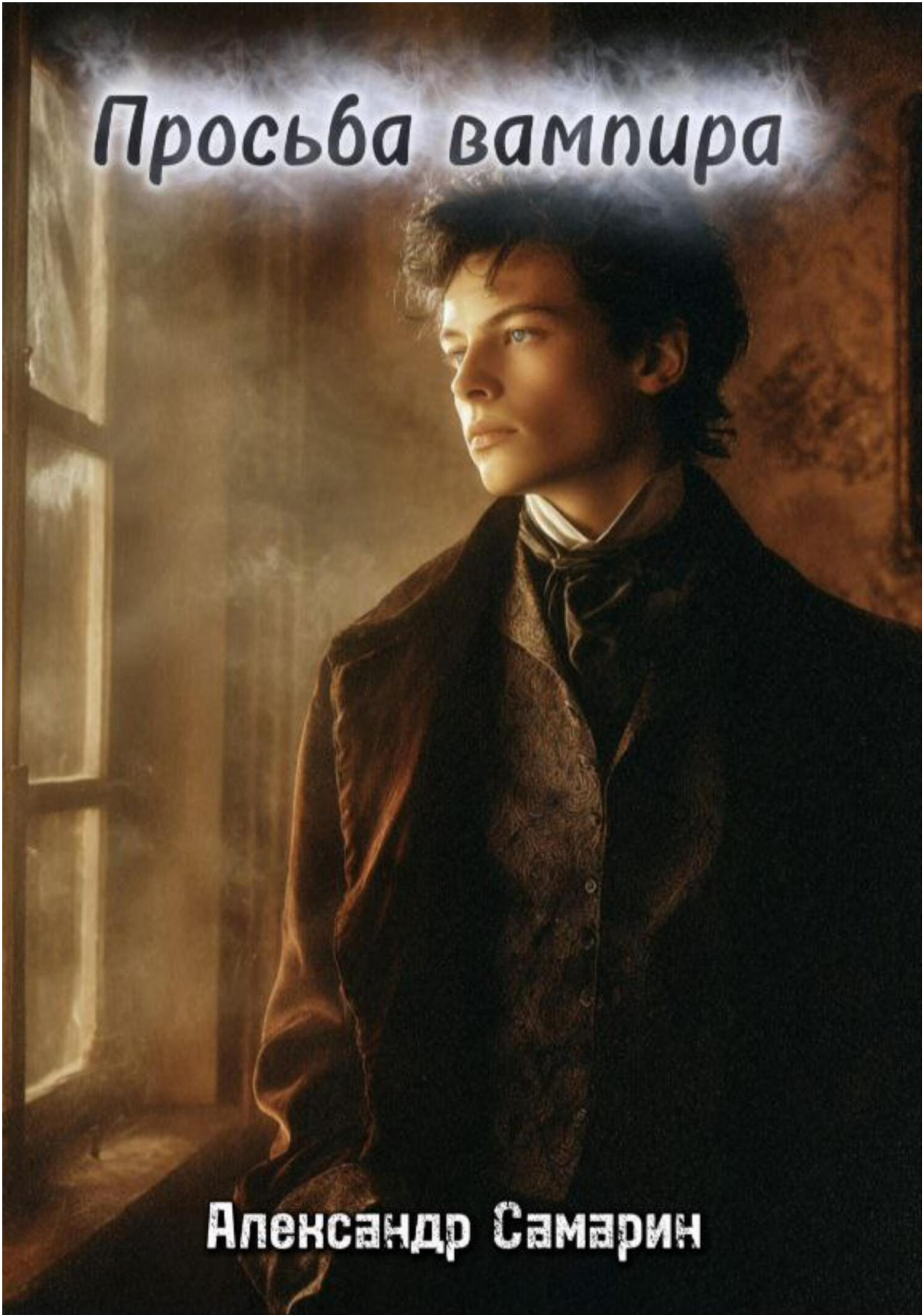
Просьба вампира
Александр Самарин

Александр Самарин

Просьба вампира

«Автор»

2025

Самарин А.

Просьба вампира / А. Самарин — «Автор», 2025

Три столетия одиночества. Триста лет скитаний по миру, за которые вампир Алистер познал все языки и культуры, кроме одной-единственной, что манила и пугала его своей недосягаемостью. Древний Китай оставался для него слепым пятном, непреодолимой стеной, возведённой его собственным предубеждением. Судьба приводит его в йоркширское поместье к старику Эдгару, последнему хранителю знаний, чья жизнь подходит к концу. Между ними рождается странный договор: ночь за ночью они ведут тихие беседы, пьют чай и распутывают клубок китайских иероглифов, каждый из которых оказывается дверью в новую вселенную. Но может ли бессмертный принять дар от смертного? И какую цену готов заплатить вампир за то, чтобы наконец обрести цель своих вечных странствий? Готическая история о жажде знаний, силе слова и жертве, что становится началом нового пути.

© Самарин А., 2025
© Автор, 2025

Александр Самарин
Просьба вампира

Глава 1. Не час для визитов

Дождь стучал в оконное стекло старого кабинета выстукивая беспорядочный, тоскливый ритм. Мистер Эдгар Грейвз отложил в сторону потрепанный томик Диккенса и потянулся к радиоприемнику, чтобы заглушить заунывную мелодию непогоды. В доме, стоящем на отшибе у самого края Йоркширских болот, в такую ночь становилось особенно одиноко. Воздух пахло воском, старой бумагой и слабым, но упрямым ароматом камфоры – верным спутником его восьмидесяти с лишним лет.

Он уже собирался поправить плед на коленях, как вдруг рука замерла в воздухе. По спине пробежал холодок, не имевший ничего общего с сыростью ночи. Это было чувство древнее, животное – ощущение пристального взгляда из темноты. Эдгар медленно, с тихим скрипом позвонков, повернул голову к французскому окну, выходившему в сад.

Там, в обрамлении мокрого дерева рам, стояла фигура. Высокая, неестественно прямая. Дождь, казалось, не касался его, стекая по невидимому куполу. Черты лица скрывала тень, но Эдгар почувствовал, что на него смотрят. Сердце екнуло, старая мышца сжалась, предупреждая об опасности. Но любопытство, то самое, что не раз за всю долгую жизнь заставляло его лезть в дебри, затуманенные туманом тайны, оказалось сильнее страха.

Фигура подняла руку – не для угрозы, а скорее как жест вежливости, просьбы о разрешении войти. Эдгар, не отрывая взгляда, кивнул. Замок щелкнул, створка бесшумно отворилась, впустив в комнату порцию ледяного, пахнущего мокрой землей и чем-то еще, металлическим, воздуха.

Вошедший шагнул в круг света от настольной лампы. Эдгар ахнул. Перед ним был юноша лет двадцати, не больше. Изумительной, почти болезненной красоты: бледная, фарфоровая кожа, черные как смоль волосы, падавшие на высокий лоб, и глаза… Глаза были старыми. Невыразимо, бездонно старыми. В них стояла тяжелая, мертвая тишина заброшенных колодцев.

– Мистер Грейвз? – голос был низким, бархатным, без малейших признаков юношеской надломленности. В нем звучала уверенность, которую не дают ни годы, ни титулы, а только века.

– Я… – Эдгар попытался очистить горло, но оно внезапно пересохло. – Да. Я Эдгар Грейвз. А вы… кто вы? И что вам угодно в такой час?

Незнакомец позволил себе едва заметную улыбку, тень улыбки, не затрагивающую его древние глаза.

– Меня зовут Алистер. И час, поверьте, для моего визита самый что ни на есть подходящий. Что мне угодно? – Он сделал паузу, его взгляд скользнул по полкам, ломящимся от книг, по стопкам бумаг на столе, по портрету давно умершей жены. – Беседа.

– Беседа? – переспросил Эдгар. – Со мной? Я боялся, вы потребуете мои сбережения или мою жизнь. Беседа кажется куда более странным предложением.

– Сбережения мне не нужны, – Алистер мягко ответил. – А что до жизни… – Он помедлил, и Эдгар снова почувствовал тот древний, животный страх. – Я решил, что сегодня она может подождать. Я шел мимо этого дома много раз. Видел свет в вашем окне. Видел вас за чтением. Я читаю ауры, мистер Грейвз, читаю истории, записанные в душах. Ваша… ваша слишком ценна, чтобы быть просто поглощенной. Она заслуживает того, чтобы стать частью другой истории.

Эдгар уставился на него. Слова были безумными, но в них звучала непоколебимая искренность. И тогда он понял. Не умом, не логикой, которую так лелеял всю жизнь, а тем самым древним, животным чутьем, что пробудилось в нем минуту назад.

– Вы… не человек, – тихо произнес он.

Алистер склонил голову в почти что учтивом поклоне.

– Нет. Я не человек. Я – то, что ваши сказки называют вампиром. Но сказки, поверьте, почти всегда лгут. Или, в лучшем случае, показывают лишь обрывки правды, искаженные страхом и невежеством.

Он подошел к книжным полкам, провел длинными, бледными пальцами по корешку старого тома Шекспира.

– Я пришел не для того, чтобы причинить вред. Я пришел, чтобы рассказать. Поделиться тайной. Мне двести девяносто шесть лет, мистер Грейвз, и за это время я накопил столько историй, что они грозят разорвать меня изнутри. Мне нужен… слушатель. Тот, кто поймет. Услышит. И, возможно, сохранит.

Эдгар Грейвз, отставной профессор истории, всю жизнь искавший истину в пыльных архивах, вдруг осознал, что величайший первоисточник только что вошел в его кабинет через французское окно. Страх отступил, уступая место всепоглощающему, жгучему любопытству.

– Почти триста лет… – прошептал он. – Боже правый.

– Он тут ни при чем, – заметил Алистер без тени иронии, просто констатируя факт. – Так что же, мистер Грейвз? Вы предложите мне чай? Или кресло у камина? У вас есть вопросы. Я читаю их в ваших глазах. А у меня, наконец, есть готовность на них ответить.

Эдгар медленно поднялся, опираясь на палку. Его рука дрожала, но голос вдруг обрел твердость.

– Чай, пожалуй, будет неуместен. А кресло… пожалуйста. Садитесь. – Он указал на свое собственное кресло у камина. – Вы говорите, что хотите рассказать. С чего начнете?

Алистер занял предложенное место. Пламя очага отразилось в его глазах, но не зажгло в них ни единой искры.

– Начну с самого удивительного, – сказал он. – Начну с того, почему я не говорю по-китайски.

Глава 2. Каменная стена

поднебесной Алистер откинулся в кресле, и тень от спинки скользнула по его лицу, делая его черты еще более резкими и призрачными.

– Почему не говорю по-китайски? – повторил он вопрос старика. – Это не совсем так. Я могу изъясниться в ресторане, прочитать вывеску, поддержать простой разговор о погоде. Но я не знаю этот язык. Не чувствую его. Не слышу в нем музыки времен и династий. Для меня он – лишь набор функциональных звуков. И причина тому – не лень и не отсутствие возможности.

Он замолчал, его взгляд уставился на потрескивающие поленья в камине, словно ища в пламени ответы на вопросы, которые сам же и задал.

– Нам не нужен язык, чтобы получить нужные знания от жертвы, – продолжил он тихо. – Когда ты… присоединяешься к человеку, ты поглощаешь не только его кровь. Ты поглощаешь его сущность. Его память, его навыки, его незавершенные мысли. Это похоже на чтение самой увлекательной книги, где каждая глава – чужая жизнь. Я говорю на исчезнувших наречиях шумеров, на латыни времен Цицерона, на языке трубадуров Прованса. Я получил это все от тех, кто ими владел. Это побочный эффект, дар и проклятие одновременно.

Эдгар, завороженный, кивнул, побуждая его продолжать.

– Так в чем же дело с Китаем? – спросил он.

– Дело – во мне, – голос вампира прозвучал с неожиданной горечью. – Вернее, в том, кем я был. Я родился здесь, в Англии, в 1704 году. Был третьим сыном крупного землевла-

дельца. Моя вселенная ограничивалась нашими полями, церковью и представлением о том, что весь остальной мир – это скопище дикарей и еретиков, которым несть числа. Эта… ограниченность, эта уверенность в своем превосходстве, въелась в меня в самой юности. Она стала частью моей души. А когда тебя превращают, твоя душа, кажется, замирает в том состоянии, в котором была. Ты можешь учиться, накапливать знания, но изначальная призма, через которую ты смотришь на мир, остается неизменной.

Он повернулся к Эдгару, и в его глазах читалась подлинная, выстраданная боль.

– Я пытался. Клянусь вам, я пытался. В XIX веке я провел два десятилетия в Гонконге. Я находил китайских ученых, торговцев, поэтов. Но каждый раз, приникая к горлу, я… чувствовал непреодолимый барьер. Глубоко внутри сидело старое, глупое предубеждение моего отца, что все это – «чуждое». «Не наше». Что эти знания не стоят того, чтобы стать частью меня. Это был не сознательный расизм, нет. Это был инстинктивный, почти физиологический барьер. Как если бы вам предложили съесть прекрасно приготовленное, но абсолютно несъедобное, по вашему мнению, насекомое. Разум говорит – это питательно и ценно, но все нутро восстает.

– Предрассудок, вшитый вовнутрь, – тихо произнес Эдгар.

– Именно так, – кивнул Алистер. – И я не могу его преодолеть. Я могу выучить язык с помощью учителя, как это делают смертные. Но на это уйдут десятилетия. А зачем? У меня впереди вечность. Я всегда откладывал это на потом. «Вот встречу того единственного, гениального носителя языка, и это поможет мне переступить через себя», – говорил я себе. Но такого человека я так и не встретил. Или встречал, но мой внутренний барьер оказывался сильнее. Это моя вечная досада. Моя ахиллесова пята. Я, видевший рождение и смерть империй, так и не смог по-настоящему понять пятую часть человечества.

В камине с треском прогорело полено, рассыпавшись углями.

– Но при чем тут я? – спросил Эдгар. – Я не китаец. Я не знаю китайского. Я всего лишь старый англичанин, который доживает свой век в глуши.

Алистер улыбнулся, и на этот раз в его улыбке была теплота.

– О, мистер Грейвз, вы так недооцениваете себя. Я же сказал: я читаю ауры. Я ходил вокруг этого дома и чувствовал… редчайшую вибрацию. Не знания языка, нет. Нечто большее. Вы изучали историю, лингвистику. Вы – как великий архивариус. Ваша ценность не в том, что вы знаете, а в том, как вы понимаете. Вы – мост. Вы – тот, кто может помочь мне преодолеть этот барьер не силой чужой памяти, а силой старого, доброго, человеческого терпения и понимания. Выучить язык не как вампир, крадущий знание, а как ученик. И в этом для меня – искупление.

Он замолк, давая старику понять масштаб своего признания. Трехсотлетнее существо, признающееся в своей слабости и просящее помощи у ещё более слабого смертного.

– Вы хотите, чтобы я… научил вас китайскому? – недоверчиво спросил Эдгар.

– Нет, – покачал головой Алистер. – Я хочу, чтобы вы помогли мне захотеть его выучить. Рассказали о культуре, которая стоит за иероглифами. Об истории. О философии. Сломайте мою старую, прогнившую призму. Заинтересуйте меня так, как не смогли это сделать века. Ваша жизнь, мистер Грейвз, – не в вашей крови. Она – в вашем уме. А его содержимое слишком ценно, чтобы просто быть съеденным. Им нужно поделиться.

Эдгар Грейвз смотрел на юного старика в своем кресле и чувствовал, как его собственное сердце, старое и уставшее, наполняется непривычным чувством – волнением. Он был нужен. Не как тело, не как жертва, а как личность. Как учитель.

– Хорошо, – прошептал он. – С чего начнем?

– Начнем с Серебряного века, – сказал Алистер, и его глаза блеснули. – С того, как я чуть не погубил себя из-за любви к русской поэтессе в Петербурге. Это история о том, как язык любви оказался сильнее всех предрассудков мира. И как я чуть не забыл из-за него свой собственный.

Он поправился в кресле, и его голос обрел новую, повествовательную силу. Дождь за окном стих, и только треск огня и мерный, низкий голос вампира нарушали тишину библиотеки, где разворачивалась самая невероятная беседа в жизни Эдгара Грейвза.

Глава 3. Белые ночи и фарфоровая душа

Эдгар отложил стакан. Виски больше не было нужно; его сознание было и так опьянено рассказом. Он видел перед собой не юношу, а древний, потрескавшийся свиток, на котором киноварью и кровью была написана подлинная история.

– Вы упомянули Россию, – мягко напомнил старик. – Петербург. Поэтессу. Вы сказали, это история о том, как язык любви оказался сильнее предрассудков. Я… я должен это услышать. Как страна, еще более далекая и чужая для англичанина вашего времени, чем Китай, смогла вас покорить?

Тень грустной нежности скользнула по лицу Алистера. Он облокотился на подлокотник кресла, и его взгляд снова ушел в прошлое.

– Санкт-Петербург начала века… это было место, где время текло иначе. Оно не летело вперед, а кружилось в хороводе туманов, музыки и отчаянных предчувствий. Город был построен на болоте вопреки всему, и его душа была такой же – прекрасной, неестественной, обреченной и пьянящей. Белые ночи… они сбивали с толку нас, ночных тварей. Грань между днем и ночью стиралась, и можно было почти забыть о своей природе, растворившись в этом мареве.

Он замолкает, и Эдгару кажется, что в кабинете пахнет не книгами и воском, а невской водой и цветущими липами.

– Я жил там под именем польского аристократа, страстного поклонника искусств. И я встретил ее. Не буду называть имени, оно принадлежит истории и ей одной. Она была не самой известной, но самой… звучащей. Ее стихи были похожи на трещины в фарфоре мироздания: тонкие, изящные и обнажавшие самую суть вещей. В них была вся глубина и вся обреченность той эпохи.

– И вы ее… полюбили? – тихо спросил Эдгар.

– Я захотел поглотить ее душу, – поправил его Алистер с безжалостной прямотой. – Ее талант, ее восприятие мира казались мне самым изысканным нектаром. Я начал охоту. Я посещал те же литературные салоны, говорил с ней о французских символистах и русских старцах, восхищался ее стихами. Я думал, я заманиваю ее в ловушку. Но чем больше я слушал, тем больше… запутывался.

Он сделал паузу, подбирая слова, которые могли бы передать ощущение того, что не передать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.